

най колькасцю грошай. Думаецца, пры стварэнні гэтага мастацкага характару большае значэнне мелі ідэалізаваныя ўяўленні аўтаркі, чым тагачасная рэальнасць.

Сярод мастацкіх характараў рамана вылучаецца вобраз Ізабэлы. З дзяцінства сірата, яна не вызначалася прыгожай знешнасцю, але мела добрае сэрца. Яе філантропія, схільнасць клапаціцца пра іншых часам перашкаджаюць людзям, замянаюць у многіх сітуацыях. Увогуле жаночыя тыпы рамана вызначаюцца некаторай аднатыповасцю: пісьменніца кіруецца традыцыйнымі ўяўленнямі пра сучасніц, часам стварае ідэалізаваных гераінь, здольных на самую высокую ступень самахвярнасці (вобраз дачкі стольніка Людвікі Шашкоўскай). Аднак, Е. Фялінская вылучыла і новыя тэндэнцыі ў тагачасным грамадскім жыцці, напрыклад, некаторым гераіням яе твораў, і, у прыватнасці, рамана “Пляменніца і цётка”, уласцівае імкненне да самастойнасці. Павевы эмансipaцыі даходзілі да маенткаў на Літве, французская літаратура несла такія ідэі чытачам, невыпадкова ў творы згадваецца імя Жэрмэны дэ Сталь, а ў характары пані Браніславы падкрэслены рысы самастойнасці і імкнення да самарэалізацыі.

Пісьменніцу хвалявала праблема маральнасці, сумленнасці ў сітуацыях, калі справа датычыла фінансаў. Так, у рамане ёсць эпізод, калі гераіня не жадае падзяліцца з роднай сястрой атрыманай спадчынай насуперак тэстаменту. Фялінская паказвае, як пагоня за матэрыяльным прыбыткам разбураюча ўздзейнічае на норавы людзей, іх маральную знітанасць.

Пісьменніца са спачуваннем ставілася да прыгонных беларускіх сялян, на якіх панства глядзела толькі як на капітал. Аднак і сярод большасці такіх прадстаўнікоў шляхты знаходзіліся тыя, хто валодаў прагрэсіўнымі поглядамі на грамадства, імкнуўся ва ўласнай гаспадарцы будаваць адносінны з сялянамі на прынцыпах павагі чалавечай годнасці. Менавіта народ Е. Фялінская назвала крыніцай, якая здольная даць сілы айчынным гаспадаркам.

XIX стагоддзе стала часам нараджэння гатычнага рамана ў еўрапейскіх літаратурах (творы А. Радкліф, Г. Уолпала і інш.). Паказальна, што моднымі ў мастацкіх творах становяцца містыфікацыі, гэта, як вядома, працуе на займальнасць сюжэта. У рамане “Пляменніца і цётка” таксама ёсць эпізод, які паказвае злучанасць у свядомасці чалавека рэальнага і інфернальнага, пазасвядомага. Атрыбуты гатычнага рамана (*ноч, скрыня з рэліквіямі, прывіды, патаемныя дзверы і пакой, ажываючы партрэт і іншы*) ствараюць бліzkую да жаху атмасферу, што мяняе агульны апавядальны тон кнігі. Дарэчы, гістарычныя рэліквіі, якія захоўваў пан Падкаморы, ускосна характарызуюць героя як чалавека вернага традыцыям продкаў. Да рэліквій належаць: пяро, якім Ян Каханоўскі пісаў знакамітыя “Трэны”, стрэмя ад сядла Яна III, аброць каня Стэфана Баторыя часу аблогі Пскова, шлем Станіслава Жалкеўскага. Думаецца, Е. Фялінская невыпадкова абірае прадметы мінулай эпохі, якія ў свядомасці чытача асацыіруюцца з былой славай Рэчы Паспалітай. У гэтым бачыцца спроба актывізацыі гістарычнай памяці, нацыянальнай свядомасці, што можа спрыяць духоўнаму і маральнаму аднаўленню сучаснікаў.

Такім чынам, раман Евы Фялінскай “Пляменніца і цётка” служыць адлюстраваннем грамадскага стану на Літве і Беларусі ў першай трэці XIX стагоддзя, а таксама прыцягвае ўвагу да эканамічных праблем, з якімі сутыкнулася мясцовая шляхта ў адзначаны перыяд. Пісьменніцкі клопат пра маральную сферу стасункаў суайчыннікаў дэманструе неаб'якавае аўтаркі да актуальных праблем рэчаіснасці, з наступствамі каторых прыходзілася сутыкацца шляхце літвінска-беларускіх земляў у другой палове XIX стагоддзя.

1. Гушчынскі, І. Г. Эксдывізарскія суды ў эканамічным жыцці Беларусі ў першай трэці XIX стагоддзя / І. Г. Гушчынскі // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследование по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 2 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 37–41.
2. Мальдзіс, А. Падарожжа ў XIX стагоддзе: з гісторыі беларускай літаратуры, мастацтва і культуры: навук.-папул. нарысы / А. Мальдзіс. – Мінск : Народная асвета, 1969. – 206 с.
3. Felińska, E. Siostrzenica i ciotka : powieść obyczajowa / E. Felińska. – Wilno, 1853. – 312 s.

Сафронов П.М.

«ТРУДЫ» И.Т. ВЕРХОВСКОГО, ОСНОВОПОЛОЖНИКА ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Раскол Русской церкви середины XVII в. имел серьезные последствия, затронувшие разные сферы общественной жизни: духовной, культурной, экономической, политической и повседневной. Камнем преткновения стали вопросы духовные: богословские и обрядовые. Чем больше времени проходило от начала раскола, тем больше у старообрядцев появлялось ветвей, толков и согласий. Вопрос о возвращении в лоно официальной Православной церкви изначально поднимался ее представителями. Затем такая необходимость появилась и у представителей разных толков старообрядчества. И с одной, и с другой стороны были как сторонники, так и противники объединения. Единоверческие процессы весь период раскола выступают ключевым аспектом взаимоотношений старообрядчества

с правительством и официальной церковью. И в современной истории церкви (а значит и определенной части общества) остается актуальным вопрос единоверия. Тем не менее, многие проблемы раскола и многие стороны истории этой темы остаются малоизученными.

В 2014 году в рамках издательского проекта «Квадриум» впервые в России опубликована книга иерея Иоанна Верховского «Труды» [2]. Это сборник трудов основоположника единоверческого богословия. При жизни автора вышло его единственное издание в русских типографиях за границей. Единоверческий священник Иоанн Тимофеевич Верховский родился в 1818 году в семье Тимофея Александровича Верховского. Его отец служил протоиереем в единоверческом храме Санкт-Петербурга и являлся видным деятелем единоверия. А брат Александр Тимофеевич был врачом и известен своими библейско-историческими и церковно-историческими работами.

Т.А. Верховский написал несколько работ: «Искание глаголемыми старообрядцами в XVIII веке законного архиерейства»; «Стародубье: Записки протоиерея Санкт-Петербургской Никольской единоверческой церкви Т.А. Верховского, Высочайше командированного в 1845–1848 гг. для устройства единоверия в черниговских старообрядческих посадах» и «Записки о его жизни, составленные им самим». Он на протяжении многих лет собирал письма и записки инока Никодима, переписку с графом П.А. Румянцевым-Задунайским, князем Г.А. Потемкиным и иерархами Православной церкви. Собранные документы и письма хранились в его личной библиотеке и вошли в работу «Искание старообрядцами законного архиерейства». Работы Отца Тимофея можно отнести к начальному периоду истории единоверия. Протоиерей Тимофей Верховский принадлежал к числу тех представителей этого течения, которые желали бы иметь для единоверцев особого епископа, в духе известного проекта стародубского инока Никодима, видя в этом «единственно верный способ к воссоединению всех старообрядцев с православною церковью» [1].

У сына Т.А. Верховского, священника Иоанна Верховского, взгляды на единоверие носят скорее раскольнический характер. Отец Иоанн поддерживал мысль об учреждении института единоверческого епископа, но стремился к независимому положению единоверия от Православной церкви. Он выдвинул проект создания «всестарообрядничества» и предлагал уничтожить правила митрополита Платона и само понятие единоверия. И.Т. Верховский выделял два вида единоверия: первое, о котором просили московские старообрядцы в 1799 г. («истинное», «святое»), и второе, – навязанное митрополитом Платоном («официальное, фальшивое, лживое», «бездушное и бессмысленное», «нечисть наносная»). Отец Иоанн выделял два термина: «соединенство» (доплатоновское единоверие, к нему следует вернуться) и собственно «единоверие», от которого он отрекся.

В сборнике, вышедшем в 2014 году, собраны трактаты, послания и письма разных лет и периодов жизни Иоанна Верховского. Первым пунктом в главе «Введение» размещено «Дело ямщика Сулягина». Данный материал как нельзя лучше подходит для того, чтобы ввести читателя в тему «единоверия» на примере истории брака Тосненского ямщика Григория Сулягина с ямскою девицей Еленой Корчагиной. Автор пытается разобраться с ситуацией, объяснить и доказать Санкт-Петербургской Консistorии что «единоверцы» такие же православные. На образах Вселенской церкви он утверждает, что присоединенные к Русской Церкви старообрядцы полноправны члены церкви. Его возмущает вопрос Консistorии, «к какой церкви присоединил я Сулягина: к православной или единоверческой» [2, с. 8]. На этом примере он раскрывает понятия: «православие» и «единоверие».

Вторым пунктом раздела служит «Антилатинский трактат», в котором рассказывается, чего в церковных вопросах быть не должно. Между двумя разделами существует неразрывная связь, так как отцом Иоанном определялось уклонение никоновского епископата (новообрядчество) в латинство. «Голос православного против папизма на Западе и на Востоке» – название сочинения, которое говорит само за себя. Иоанн Верховский открыто обвиняет архиереев в латинстве [2, с. 41]. Его волнует вопрос догматической непогрешимости православия. Он осуждает христианское наследие западной традиции. «Рим, и христианским сделавшись, удержал языческие притязания на обладание миром и, пользуясь благоприятно сложившимися обстоятельствами, воплотил эти притязания в своих патриархах, что и стало существеннейшей виной разделения вселенского Христианства на Восток и Запад» – пишет иерей Иоанн [2, с. 47].

Вторая глава называется «Экклесиология». В ней Иоанн Верховский рассуждает «О Церкви Христовой по существу» и приводит «Свод практических церковно-государственных истин для окончательного решения всех вопросов по расколу». Видимо, наивно полагая, что так просто можно решить вопросы раскола, он пишет о том, что формулировать эти предложения ему помог построчный разбор письма известного отца Гагарина к ректору «Церковно-общественного Вестника», в котором отец Гагарин развил теорию папизма. Свой труд он высоко ценит: «всё, что встретил я неправославного у о. Гагарина и преосвященного Макария, я ставлю на суд вселенского православия». Он сокрушается, что негде взять исповедание православия и приходится его формулировать самому. При этом он признает, что труды эти смогут оценить только будущие поколения [2, с. 131].

В третьей главе «О церковной реформе» приводится своеобразный план церковной реформы. Автор пытается понять старообрядчество как явление, чтобы решение вопроса о старообрядчестве было согласовано с требованиями православия и государственности. Например, он рассуждает о первенствующей позиции обряда в ряду разных народностей [2, с. 243]. Не мог автор обойти стороной размышления о государственной и церковной власти. Именно в этой части сборника размещена «Всепогоднейшая записка единоверцев о старообрядческой самостоятельной иерархии» написанной в августе 1864 года [2, с. 328]. В ней он собрал все доводы для утверждения своей правоты.

В заключительную главу сборника вошли статьи, посвященные частным вопросам, и переписка разных лет. Но и в этих работах Иоанн Верховский возвращается к вопросам старообрядчества. В сборнике встречается переписка со старообрядцами, в которой к нему обращаются как к защитнику старой веры и ревностному богослову единоверцев [2, с. 561].

Немалая роль в привлечении внимания к единоверию принадлежит работе Верховского «Послание, поднесенное высокопреосвященному Платону, митрополиту Киевскому и Галицкому, председателю собора русских архипастырей, в Киеве, в сентябре 1884 г.». В данном послании отец Иоанн выступил в защиту старообрядцев. Главная идея заключалась в том, что не церковь принимала бы раскаявшихся раскольников, сочувственно разрешая им отправлять службы по старым книгам, а сами раскольники, соглашаясь принять от церкви иерархию, делали бы ей поблажку, как раскаявшейся и признавшей, наконец, спасительность отправления службы по старым книгам и по старым обрядам.

Таким образом, данный источник, подкрепленный светскими законами и указами церковных властей, помогает проследить процесс оформления и изменения единоверия.

1. Верховский, Т. А. Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / Т. А. Верховский. – Том III : профессор Александр Павлович Лопухин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaia-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-tretij-vaal-vjacheslav/172>. – Дата доступа: 14.03.2023.
2. Верховский, И. Т. Труды / И. Т. Верховский. – СПб. : Издательский проект «Квадривиум», 2014. – 880 с.

Короневский В.И. **ЛЕГЕНДА О ПАРАСКЕВЕ ПОЛОЦКОЙ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ** **В ИСТОЧНИКАХ XIX – НАЧАЛА XX В.¹**

В полной загадок истории Полоцкого княжества особняком стоит таинственная фигура Параскевы Полоцкой. Согласно источникам XVI в., в которых Параскева впервые упоминается, она была представительницей рода полоцких князей и игуменией Спасского монастыря, а перед смертью отправилась в паломничество в Рим [10]. Первым видным историком, который заинтересовался связанными с ней сюжетами, был еще М. Стрыйковский, предпринявший безуспешную попытку найти подтверждение легенде о княжне в Риме [20, с. 242–243]. В XVII–XVIII вв. с опорой на житие св. Евфросинии Полоцкой и на собственные представления об истории местного христианства легенду неоднократно излагали и дополняли различными деталями базилианские и иезуитские авторами: А. Вижок-Коялович, И. Кульчинский, И. Стебельский и ряд других [17; 21; 23]. В их произведениях образ Параскевы оказался наделен многими чертами, изначально присущими преподобной Евфросинии, но переработанными в католическом духе. Так, Параскева якобы оказывалась не только преемницей Евфросинии на должности игумении монастыря св. Спаса, но и официально канонизированной святой (что, по мнению А. Вижок-Кояловича, произошло еще в XIII в. на Втором Лионском соборе [21, р. 19]) – причем, разумеется, святой Католической церкви, а не Православной. Приписывались ей, подобно Евфросинии, и обладание драгоценным крестом, который, однако, будто бы прислал ей сам римский папа [21, р. 19], и уже упомянутое выше паломничество, конечной точкой которого вместо Иерусалима оказывался Рим. Таким образом, спустя два столетия после первого упоминания о Параскеве Полоцкой в исторических источниках легенда о ней оказалась насыщена новыми деталями, сближающими ее одновременно и с житием св. Евфросинии, и с католической традицией.

В современной историографии легенда о Параскеве исследована чрезвычайно неравномерно. Если вопроса о ее возникновении и бытовании в XVI в. в той или иной мере касались многие авторы [3; 15; 18], то дальнейшая история развития представлений о Параскеве практически не изучена. Данная работа призвана хотя бы отчасти пролить свет на судьбу легенды в Российской империи XIX – начала XX вв.

Наиболее ранним из оригинальных источников XIX в., в которых встречается упоминание о Параскеве Полоцкой, является одно из писем воссоединенного Полоцкого архиепископа Василия

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)".